

Н. Т О М А Н

ЗАПИСКИ ЛЕЙТЕНАНТА

Огиз • Госполитиздат • 1941

Н. Т О М А Н

ЗАПИСКИ ЛЕЙТЕНАНТА

*Из эпизодов войны с белофиннами
1939 — 1940 г.*

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Наш эшелон прибыл на станцию Л. поздней ночью. Дальше пути не было. Дальше шла передовая линия фронта.

В щели приоткрытых дверей вагона виднелась серая полоска снега да черный неподвижный ельник за обочиной дороги. Снег тяжело хрустел под ногами идущего в нашу сторону человека. Хруст прекратился возле соседнего вагона, и я услышал хриплый, простуженный голос:

— А дэ тут, хлопцы, лейтенант ваш?

— Рядом, — ответил ему кто-то из бойцов моего взвода.

Я подошел ближе к двери, отодвинул ее и выглянул наружу.

Внизу стоял рослый красноармеец в полушубке с винтовкой в руках.

— Вас капитан вызывает, — сказал он мне.

Спустя несколько минут я был у капитана.

— Пойдете с лейтенантом Свирским, — сказал мне капитан. — Он покажет, где разместить ваших людей.

Свирский был командиром подрывников и прибыл на станцию дня на три раньше нас.

— Это недалеко, — сказал мне Свирский. — Однако возьмите с собой кого-нибудь из ваших бойцов.

Я крикнул моего отделенного командира Тихонова, и втроем мы стали осторожно спускаться с насыпи к реденькой березовой рощице.

— Ступайте по моему следу, — наставительно говорил Свирский, — а то тут насчет этого опасно. Все минировано. Белофинны на этот счет ловкачи.

Мы уже много наслушались о финских минах и, следуя совету Свирского, аккуратно ступали по его широкому следу.

— А что, товарищ лейтенант, — обратился ко мне Тихонов, — говорят, будто в этих местах мины поставлены с фотоэлементом.

— Это вы у лейтенанта Свирского спросите, — ответил я. — Он теперь почти местный житель.

Свирский усмехнулся:

— Всякие, конечно, бывают мины, только, думается мне, что насчет фотоэлемента присочинил кто-то. Модная нынче эта тема — мины. Штука хитрая, конечно, и требует осторожного подхода, страшного же в ней ничего нет. Финны народ хитрый, не спору, но только, думается мне, что на сей раз они перестарались... О чувстве меры позабыли. Судите сами: вот идем мы по лесу и вдруг видим руль велосипедный торчит из сугроба. Присматриваемся. Сугроб небольшой, и велосипед под ним определенно не поместится. Значит, там только руль, значит, хотели схитрить, взять на приманку. Я сразу же соображаю это, но, для проверки бдительности бойцов своих, говорю:

— Ну-ка, поднимите кто-нибудь велосипедик — пригодится в хозяйстве.

А они смеются:

— Грубая, говорят, работа, товарищ лейтенант. Видать, наспех делали... Прикажете разминировать?

Или еще такое устраивают финны: бросят посреди дороги патефон или будильник и думают, что так вот наши бойцы сразу на них и бросятся. Чорта с два! Вот в поселочке этом, куда мы сейчас путь держим, нашел мой боец Егоров здоровенные стенные часы посреди дороги и задумался. Мог, конечно, кто-нибудь случайно их обронить, но и специально могли подкинуть, нужно, значит, как-то проверить. А Егоров поймал в этом селе финского солдата, вел его ко мне и, стало быть, отлучиться для проверки часов не мог. Но он не растерялся. Вывел своего пленника на середину дороги, указал направление на часы и скомандовал: «Шагом марш!» Тот пошел, но возле часов свернул в сторону.

— Стоп! — крикнул ему Егоров. — Давай назад!

И опять его на часы направляет, вразумительно подталкивая штыком в спину. Возле часов финн снова мнется.

— А, чертяка! — разозлился тогда мой Егоров. — Значит, знаешь, что за штука такая эти часы. А ну, живо приведи мне часы в порядок!

Тот, конечно, притворился, что не понял, в чем дело, но Егоров внушительно щелкнул затвором, и финну пришлось сообразить, чего от него хотят. Так и явились они ко мне — Егоров с винтовкой наперевес, и финн со стенными часами подмышкой.

— Вот, товарищ лейтенант, — спокойно сказал мне Егоров, — примите часы с гарантией и с доставкой на дом. Будут ли ходить — не знаю, но что не взорвутся — ручаюсь...

Свирский замолчал, прислушиваясь к чему-то. Издалека доносились приглушенные расстоянием пулеметные очереди. Но вот слабый порыв ветра донес тревожный рокот авиационного мотора. Свирский остановился, приподнял шлем над ухом и сказал:

— Это наш... По шуму узнаю.

Желтый надломленный луч прожектора полоснул предрасветное мутное небо и тяжело упал вниз. Будто искры огромной потухающей головни, взметнулись над лесом трасирующие пули и потухли.

Стало тихо. Только снег еще сильнее заскрипел под нашими ногами да неподалеку ухнул одиночный ружейный выстрел.

— Теперь близко, — сказал Свирский. — Метров триста осталось.

— А квартиры-то наши охраняет кто-нибудь? — спросил я.

— Да нет, так пришлось оставить. Людей для этой цели не было.

— А может быть, в них уже другая часть поселилась? Тут ведь с жильем не очень-то богато...

— Думаю, что в наших хатах не поселятся, — уверенно заявил Свирский.

— Что же вы, на замок что ли их закрыли?

— Зачем на замок? Мины помогают...

Я не совсем понял Свирского, но не стал больше его спрашивать: мы подходили к поселку. В жидких лучах рассвета виднелись три уцелевших хатки. На дверях ближ-

ней к нам хаты крупно было написано углем: «Минировано!»

— Опасный у вас замочек! Непрошенные квартиранты могут, значит, в случае чего взлететь на воздух?

— Вряд ли, — усмехнулся Свирский. — Мы ведь хатки-то сначала разминировали...

— А подпись, значит, задним числом провели, — засмеялся мой отделенный командир, работавший до поступления в ряды Красной Армии бухгалтером в колхозе.

ФИНСКИЙ КОТ

Собственно говоря, это был не финский, а сибирский кот, огромный, пепельного цвета, с солидными манерами и великолепными усами. Он с первого же дня выказал нам свое расположение и мирно прожил с нами более месяца.

Вообще же кот был, как все коты. О нем и рассказывать было бы нечего, если бы не удивительные обстоятельства, при которых произошло наше знакомство с ним.

Дело было в самом начале войны, но мы уже побывали кое-где на Карельском перешейке и имели представление о некоторых сюрпризах, приготовленных нам белофиннами.

Помню, накануне нового года мы получили приказ о восстановлении железнодорожного моста, взорванного белофиннами. Бойцы добрались в эшелоне до ближайшей станции и двинулись дальше пешком. Задание было выполнено. Собирались возвращаться.

Смеркалось. Пошел снег, мелкий, как манная крупа. Дул ветер. Было очень холодно. Мы решили укрыться от непогоды в домах поселка, который был уже недалеко. Однако надежды наши вскоре померкли: еще издали увидели мы закопченные трубы сгоревших зданий.

К вечеру мы все же кое-как разместились: кто на уцелевшей даче с выбитыми окнами и оторванными дверьми, кто в сырой грязной бане, кто в погребке. Как ни скверны были наши «квартиры», все же в них было теплее, чем снаружи: мороз свирепствовал.

Кое-как растопили мы маленькую печь и, теснясь вокруг нее, молча грели озябшие руки.

Слышно было, как выл ветер во дворе... Наружных дверей в нашем домике не было. Мороз бесцеремонно разгуливал по нашим спинам.

— Мы никогда не натопим эту дыру! — недовольно заметил кто-то.

— Надо завесить вход палаткой, — сказал я.

— Этого мало, — возразил старшина. — Попробуем снять дверь с сарая и приладить ее сюда. Я тут приметил один сарайчик...

Он встал и, взяв с собой бойца, вышел во двор. Сарай находился метрах в тридцати от нашего домика. Старшина уже взялся было за замок, висевший на двери сарая, как вдруг услышал громкое жалобное мяуканье.

— Стоп! — сказал старшина и даже отошел немного назад. — Ты слышал, товарищ Петров? — обратился он к красноармейцу.

— Да это же кот в сарае, — усмехнулся Петров. — Очень даже возможное дело.

— Ой, Петров! — покачал головой старшина. — Легкомысленный вы человек, не в обиду будь вам сказано. Видели вы во всем поселке хоть одно живое существо?

— Это верно, товарищ старшина, живых не видел. В соседней хате двух кошек убитых нашли, а возле нашей — собаку дохлую. Только ведь могла какая-нибудь живность и уцелеть случайно?

— Могла, — согласился старшина, — но осторожность, брат, — великое дело!

Он постоял немного, подумал, обошел вокруг сарая и, зайдя с боку, стал осторожно отдиравать топором доски от стены. Затем зажег электрический фонарь и заглянул внутрь. Большой голодный сибирский кот бросился к нему навстречу. Старшина ловко поймал животное и передал Петрову, а сам полез в сарай. Петров, крепко прижимавший к себе кота, слышал через стену, как старшина чертыхался там, возясь с чем-то.

— Все в порядке! — крикнул он наконец. — Спибайте замок, товарищ Петров.

Петров зажал кота подмышкой, свободной рукой взял топор и одним ударом ловко сбил замок. Старшина вышел из сарая с крупной миной в руках.

— Вот что значит осторожность! — весело сказал он, показывая мину. — А расчет у них такой был: кот, мол, горластый, стало быть, начнет орать, а красноармейцы — народ жалостливый, пойдут на выручку... Однако, товарищ Петров, фокус, как говорится, не удался!

В КОЛЬЦЕ

Бой был жестокий. Белофинны обложили холм со всех сторон и почти каждые два часа ходили в атаку. На холме же было всего пять наших бойцов и три станковых пулемета системы «Максим». К концу дня исход боя был, казалось, уже решен. У пулеметов осталось два человека, один из них был ранен в руку. Но, видимо, не лучше обстояло дело и у финнов. Не зная, в каком положении находятся советские пулеметчики, белофинны отошли на расстояние ружейного выстрела и, очевидно, ждали подкреплений или, может быть, наступления темноты.

— Что же будем делать, товарищ командир? — спросил раненый пулеметчик отделенного командира Яшина.

Яшин ответил не сразу. Он осмотрел пулеметы, проверил наличие патронов и лишь тогда сказал, стараясь казаться спокойным:

— Вот что, товарищ Лебедев. Вам надобно всеми возможными и невозможными путями пробраться к нашим и доложить обстановку. Я же побуду тут один, продержусь как-нибудь...

Помолчав, он добавил:

— Пулеметы, понимаешь, жалко... Разве возможно, чтобы такие пулеметы врагу достались?

— А вы-то как же? — начал было Лебедев, но Яшин строго прервал его:

— То, что я сказал вам, товарищ Лебедев, — есть приказ! Понятно?

— Понятно, товарищ отделенный командир! Можно итти?

— Идите.

Лебедев лег на бок, осторожно сполз с холма. В сумеречном свете да еще с большого расстояния заметить его было нелегко.

Спустя часа два после ухода Лебедева Яшин заметил движение финнов с северной стороны холма. Ночь, к счастью, была лунная, и вся снежная равнина вокруг была хорошо видна. Яшин поправил ленту в пулемете и взял прицел.

Финны, одетые в маскировочные халаты, кажется полагали, что они незаметны, и двигались без особых предосторожностей. Близко подпустив их, Яшин открыл огонь. Финны сразу же залегли. Над головой Яшина запели пули. Яшин, понимая, что пристреляться к нему будет легко по вспышкам от выстрелов пулемета, прекратил огонь. Финны тоже, немного постреляв, отошли к мелкому кустарнику и укрылись за ним.

Спустя несколько минут противник разбился по отделениям и двинулся к холму с четырех сторон. Финны теперь шли не открыто, как прежде, а осторожно ползли по снегу. Обстановка осложнялась. Таскать тяжелый пулемет с одного места на другое было неудобно, да и занимало много времени. Вдруг у Яшина мелькнула мысль: «А ведь остальные-то пулеметы совсем исправны...»

Он еще не додумал всего до конца, но уже бросился к двум остальным пулеметам. Торопливо он установил их на вершине холма с таким расчетом, чтобы сектор обстрела каждого орудия составлял, примерно, 120 градусов. Теперь пулеметы могли держать под огнем всю местность, лежащую вокруг холма, но Яшину уже нельзя было подпускать противника слишком близко. Он был единственным пулеметчиком на все три пулемета.

Финны шли очень медленно, и эта медлительность начала действовать на нервы утомленному Яшину. Если бы они бросились в стремительную атаку, он не растерялся бы, он встретил бы их метким огнем, и уж вдоволь наговорились бы тогда его пулеметы. Но финны не спеша ползли по снегу, и глаза в неверном свете молодой луны уставали следить за ними. Иногда белые халаты финнов совершенно сливались со снегом, и тогда Яшина вдруг охватывало острое чувство тревоги. Он схватывался за пулемет, готовый даже вслепую открыть стрельбу, чтобы только нарушить веселым звуком пулеметных очередей эту несносную тишину.

«Не поддавайся!.. Не поддавайся панике, Гриша!» — беспрестанно твердил Яшин сам себе и, до боли стиснув зубы,

напрягая волю, прислушивался, всматривался в снежную равнину.

Финны ползли очень осторожно, но все же морозный снег чуть слышно похрустывал под тяжелыми телами, звякала тонкая пленка наста. И слух приходил на помощь зрению. Потерянные на мгновение тени врагов снова становились заметными.

Теперь финны были уже близко...

«Больше подпускать нельзя»... — подумал Яшин и, наконец, нажал спусковой рычаг, посылая по врагу первую очередь.

Горячая была работа! Яшин выпускал несколько коротких очередей из одного пулемета, спешил к другому, бросался к третьему. Все это происходило так быстро, что финны, полагая, что по ним ведут смертоносный огонь три пулеметчика, дрогнули и отступили.

Часа полтора после этого они ничего не предпринимали, но Яшин понимал, что успокаиваться рано. Он ждал новых атак... Яшин страшно устал, замерз, хотел есть и больше всего хотел спать. Борясь со сном и стараясь согреться, он с боку на бок катался по небольшой площадке холма: встать во весь рост было опасно. Думал Яшин только об одном: «Добрался ли Лебедев».

По расчетам Яшина, Лебедев должен был уже давно прийти до своих, но мало ли что могло произойти с ним в дороге.

А время шло, луна клонилась к закату. Страшно было подумать, что скоро она зайдет и все утонет в непроглядной тьме. Но луна еще не успела зайти, когда Яшин заметил вспышку — а чуть позже услышал звук выстрела и треск разорвавшейся неподалеку от холма гранаты.

«Из гранатомета стреляют, черти!» — тревожно подумал он и схватился за пулемет, ожидая нового выстрела, чтобы, ориентируясь по вспышке, открыть огонь по врагу. Но выстрел раздался с другой стороны. Вторая граната разорвалась совсем близко. Правую ногу вдруг что-то обожгло... Яшин застонал от острой боли, но не выпустил пулемета из рук. Едва вдалеке блеснула новая вспышка, как он опять открыл огонь... Но перебраться к другому пулемету Яшин уже не мог...

Но что такое? Где стреляют? Ведь это теперь не в его сторону стреляют...

Яшин приподнялся на локтях и увидел, что к кустарнику стремительно несутся люди на лыжах.

— Это наши!— с облегчением прошептал пулеметчик, — наконец-то наши...

Помощь подоспела как раз во-время.

ТАКТИКА

Ночь была непроглядно черной. Даже снег казался темным, будто его покрывал толстый слой пепла. Мы ощущали друг друга лишь по горячему дыханию да по шороху обмундирования.

Мы не разговаривали. Было совсем тихо...

Батальон белофиннов занимал село Л., и мы подошли к нему на три километра. Ни одного огонька не видно было в этом селе, и оно казалось вымершим. Но белофинны определенно находились там, и тишина была ложной.

Командир нашей роты, лейтенант Пичугин, был еще очень молод. Он поражал всех, близко знавших его, удивительной способностью принимать решения, кажущиеся на первый взгляд странными. Вот и теперь, намереваясь разбить батальон белофиннов силами своей небольшой роты, он спокойно сказал:

— Если бы у меня был батальон, за успех боя я не мог бы ручаться так твердо, как сейчас.

Видя, что мы не понимаем его, он добавил:

— От батальона белофинны удрали бы, пожалуй, а с ротой они непременно вступят в бой. Они ведь знают, что у нас всего одна рота.

Случай был исключительный. Мы были утомлены длинным переходом и недавними боями, мы почти не спали прошлую ночь и с утра ничего еще не ели, а многочисленный противник был, по донесению разведки, отлично вооружен. Разбить его было мудрено, и, пожалуй, никто, кроме Пичугина, не решился бы так твердо заявить о победе. Однако это заявление сильно подняло дух бойцов. Они любили своего командира и привыкли верить его словам.

И вот мы стояли в трех километрах от села Л., занятого белофиннами, и ждали возвращения своей разведки. Но еще прежде чем разведка вернулась, над селом вспыхнуло зарево. Село запылало так ярко, словно его неожиданно подожгли сразу со всех концов.

— Выходит, что испугались и роты! — насмешливо сказал кто-то.

— Это их излюбленная тактика, — заметил младший лейтенант Буркин, — если только подобные действия вообще можно назвать тактикой.

Командир роты ничего не ответил. Он ходил взад и вперед, будто разминая тесные валенки, полез в карман за папиросами и уже взял было одну из них в рот, но тотчас же сердито выплюнул ее и сказал Буркину:

— Да, этот поджог определенно можно назвать тактикой.

Как только наша разведка доставила нужные сведения, Пичугин собрал нас и объявил:

— Белофинны не ушли из села, хотя и подожгли его. Это хитрая тактика, но нас им не провести!

Спустя несколько минут мы разбились на два отряда, чтобы с разных сторон зайти в тыл села Л.

Этот стремительный обход на всю жизнь останется у нас в памяти. Он был много труднее всех форсированных маршей, совершенных нами и в мирной, и в боевой обстановке. Задыхаясь, мы пробирались сквозь ельник, сквозь колючий кустарник, ползли по скользким косогорам. Привычная ноша — коробки с пулеметными дисками, казалась нам нестерпимо тяжелой. Мы промокли от пота, многих тошнило от чрезмерного утомления, но мы все шли, мы бежали, сами дивясь, откуда только брались у нас силы.

Вскоре мы засели в кустах, совсем близко от пылающих домов, и ждали сигнала к атаке.

...Спустя несколько дней после того, как мы разбили батальон белофиннов, кто-то сказал Пичугину:

— А ведь мы не сразу поняли тогда вашу тактику, товарищ лейтенант.

— Почему же? — удивился Пичугин. — Маневр белофиннов был совершенно ясен. Они зажгли село, намереваясь

обмануть нас симуляцией отхода. Они рассчитывали, что мы двинемся прямо на пожарище, при свете которого нас можно будет обстреливать, как мишени в тире. А мы вместо этого пошли в обход. Тактика есть тактика!..

В РАЗВЕДКЕ

Двенадцать раз Иван Буркин благополучно ходил в разведку и вот на тринадцатый попал, мягко выражаясь, впросак...

Была ночь, непроглядная, темная. Иван Буркин, затаив дыхание, лежал в снегу, а где-то неподалеку, может быть, совсем близко, были финны. Они медленно окружали его. Буркин не знал, сколько их, но догадывался, что человек восемь, может быть, десять. Они, видимо, тоже не знали, один ли Буркин, или с ним есть кто-то еще. В противном случае финны не стали бы продвигаться с такими предосторожностями.

Ивана Буркина весь батальон считал беззаветно храбрым человеком. Однако он сам иногда очень остро ощущал чувство страха, но оно не парализовало его волю, а всегда побуждало к энергичным действиям. И это понятно. Иван Буркин не страдал равнодушием к жизни и не имел ни малейшего желания расставаться с нею. В минуту опасности мысль его работала особенно четко и быстро, и как бы ни была близка и неотвратима опасность, он успевал все взвесить и принять твердое и единственно правильное, по его мнению, решение. Эта-то вера в правильность принятого решения и придавала ему силу и мужество.

Итак, Иван Буркин неподвижно лежал в снегу и напряженно прислушивался к нараставшему шуму. Снег хрустел под ногами приближавшихся к Буркину врагов.

«Почему они не стреляют? — думал Иван. — Ну да, они наверное окружили меня со всех сторон и боятся подстрелить друг друга. Фонарей у них тоже нет. Это хорошо. А стрелять и мне нельзя. Они сразу обнаружат меня по вспышке выстрела. И лежать тоже нельзя больше... Они уж близко. Но куда же бежать, чорт возьми! Лесок тут где-то рядом... туда нужно»...

Буркин напрягает свою память, но он столько кружился

тут, что положительно не помнит теперь, с какой стороны находится лесок. А разве можно бежать наугад? Ведь легко угодить как раз в объятия шюцкоровцу... Эх, ракету бы! Нет, нет... Ни в коем случае нельзя ракету! Тут нужна короткая вспышка, чтобы только на мгновение осветить местность.

И вдруг в голове мелькает: «Граната!.. Конечно, граната!»

Буркин поспешно выхватывает гранату и снимает с нее рубашку. Остается только решить, куда бросать. Он снова напрягает память: «Где же все-таки находится лесок?» И решает: «Позади». Тогда он осторожно поворачивается, приподнимается и, широко размахнувшись, бросает гранату в темноту.

Граната взрывается оглушительно громко, и при свете ее короткой вспышки Буркин видит две темные человеческие тени. Враги стоят метрах в 14—20 друг от друга. Граната падает немного дальше финнов, но осколки ее все же могут поразить их.

Лесок, видимо, далеко, и в коротком пламени взрыва Буркин не в силах разглядеть его. Зато он замечает маленькую полуразвалившуюся избушку, мимо которой проходил в сумерках. А ведь лесок от нее совсем близко, всего метров двести...

Теперь Буркин уже не раздумывает. Он выхватывает вторую — последнюю — гранату и бросает ее в противоположную сторону, где, как ему казалось, было больше всего белофиннов. В ту же секунду он поворачивается и изо всей силы бежит к избушке.

Сбитые с толку взрывами гранат в двух различных направлениях, финны открывают беспорядочную стрельбу. А Буркин, перехватив винтовку наперевес, уже подбегает к избушке. Пробегая мимо места взрыва первой гранаты, он слышит стоны тяжело раненного врага. Случайная пуля тонко свистит у него над ухом, но Буркин уже минует избушку. Еще несколько минут — и он будет в лесу! Хорошо, что наст так тверд и шероховат. Недалеко ушел бы он по глабокому снегу...

В лесу Буркин переводит дух. Лес небольшой. Его нетрудно будет пересечь в юго-восточном направлении. А там и батальон недалеко...

ДОЛГ

Это произошло в конце января.

Я возвращался в батальон из штаба соединения, куда был послан капитаном. Шел на лыжах по хрусткому насту и очень спешил: день был уже на исходе. Мороз, помнится, стоял жестокий, но я вспотел от быстрого хода и почти не ощущал холода.

Дорога в этот час была пустынна. Угрюмо стояли по сторонам седые, озябшие сосны, ели прятались в добротные снежные шубы. Мне почему-то неприятна была эта тишина вокруг, угрюмая природа, пустынная дорога, и я очень обрадовался, увидев вдаль красноармейца.

Поравнявшись, я с трудом узнал в нем комсомольца Ракитина — бойца взвода связи нашего батальона. Опущенный шлем и лохматые брови его были густо покрыты инеем и придавали ему какое-то карикатурное сходство с добрым рождественским дедом-морозом. Он тоже не сразу узнал меня, а узнав, поздоровался и сказал:

— Смотрите, товарищ лейтенант, провод телефонный со столба сорвался, вот лежит на дороге. Танки пойдут — порвут непременно.

Действительно, поперек дороги лежал полузаметенный снегом телефонный провод.

— Разве это наш? — спросил я Ракитина.

— Нет, не наш, — ответил связист. — Это, наверное, морячков.

Я вспомнил, что неподалеку от нас стояло несколько батарей береговой обороны. Весьма возможно, что и в самом деле это был телефон краснофлотцев.

— Что же вы хотите делать с проводом? — спросил я.

— Как что? — удивился связист. — Надо его на место водворить. Известное дело.

Ракитин поднял провод и пошел к высокому гладкому столбу.

Подумав с минуту, он снял с себя катушку, положил ее в снег и, подвязав провод к поясному ремешку, попробовал было взобраться на столб. Однако руки бойца скользили по гладкому бревну; он не в силах был подняться и на сантиметр. Я стал подсаживать его, но и это оказалось беспо-

лезным. Ракитин стремительно скользил вниз. А тут, как назло, издалека донесся шум не то трактора, не то танка.

— Теперь порвут все к чертям! — сокрушенно сказал Ракитин. — А мне срastить нечем будет, изоляционной ленты нету.

И вдруг, почти не задумываясь, он сбросил валенки и портянки, поплевал на руки, стоя голыми ногами на снегу, и медленно полез на столб.

— Ноги погубишь! — тревожно крикнул я... Мороз был на редкость свирепый.

— Через этот провод целый полк пострадать может, — серьезно ответил сверху связист.

Мне казалось, что Ракитин лез на столб невероятно долго.

Когда он спустился, вернее свалился со столба, я торопливо принялся растирать снегом его посиневшие ноги. Наверное, связист чувствовал при этом страшную боль. Слезы выступили у него на ресницах.

— Однако прохладно нынче... — попробовал пошутить он, но шутка вышла горькой.

Я помог одеть ему валенки, и мы медленно двинулись вдоль дороги. Ракитин едва переставлял ноги; к счастью, нам вскоре попалась попутная машина, которая и довезла нас до батальона.

В тот же вечер Ракитина отправили в госпиталь.

Спустя примерно полмесяца мне довелось быть в Ленинграде, в штабе округа.

Я вспомнил о Ракитине и зашел в госпиталь. Ракитин лежал на чистенькой, аккуратной койке. Он обрадовался моему приходу, тотчас же принялся говорить о батальоне, не давая мне возможности расспросить его о здоровье. Лишь к концу нашего короткого свидания я спросил:

— А как ноги ваши, товарищ Ракитин? Поправляются?

— Ноги? — дрогнувшим голосом переспросил он. — Худо, товарищ лейтенант... Пропали ноги-то...

ДОГАДКА ВОЕНФЕЛЬДШЕРА

Военфельдшер Илюшин перевязывал уже четвертого человека, раненного в левую руку.

Илюшин был еще очень молод, однако при всей своей молодости он никогда не перевязывал ран механически. Он всегда старался представить себе, каким путем была нанесена бойцу рана. И вот эти четыре ранения, по мнению Илюшина, были вполне нормальными. Левые руки бойцов, несколько выступавшие из-за металлических щитков, под прикрытием которых они ползли к доту, были наиболее уязвимыми.

Но когда к Илюшину принесли бойца, раненного в спину, военфельдшер призадумался. После некоторых размышлений он пришел к выводу, что причина ранения — неосторожность бойца.

Однако спустя несколько минут на перевязку принесли отделенного командира с такой же почти раной. Что оставалось предположить? Боец мог подвернуться под пулю по неопытности, из-за неумения примениться к местности, неумения маскироваться. Но ведь это уже не боец, а отделенный командир!.. И никто иной, как Сорокин — один из лучших младших командиров батальона, которого Илюшин хорошо знал и уважал. Сорокин служил в армии уже третий год, обучил многих бойцов искусству применяться к местности и сам владел им в совершенстве. Тут и речи не могло быть о неосторожности, а подозревать трусость в беззаветно храбром командире Сорокине было просто нелепо.

Новые таинственные ранения в спину положительно лишили покоя военфельдшера. Он делал десятки предположений, но не знал, на каком из них остановиться. И когда санитары принесли еще одного бойца с перебитым позвоночником, Илюшин не вытерпел. Он узнал у санитаров, где подобрали они раненого, который был уже при смерти, одел маскировочный халат, взял винтовку и, пригнувшись, пошел к огневому рубежу.

Он лег за кустарником, разглядывая местность. Рота, атакующая дот, ушла уже довольно далеко. Дот, расположенный на опушке леса и хорошо замаскированный, был виден плохо. Илюшин достал лыжи со щитком и стал

осторожно продвигаться вперед по примятому снегу. Пули часто свистели над ним, одна из них задела уголок щитка и, тонко взвизгнув, рикошетом пошла в снег.

Илюшин прополз метров полтора и остановился за небольшим холмиком, чтобы перевести дух. Теперь он видел покрытую снегом и каменными глыбами, изуродованными артиллерийским огнем, макушку дота. Илюшин представил себе расположение амбразур и мысленно проследил за полетом пуль... Нет, пули из амбразур никак не могли поражать бойцов в спину. Они скорее попали бы в ноги, в руки, в бок, пожалуй, даже в голову, но в спину?.. В спину можно было попасть только сверху. И тут Илюшин обрадованно охнул: «Конечно, сверху! Как же это я сразу не сообразил! Это «кукушка»! Теперь ясно: это «кукушкиных» рук дело».

Продвинувшись вперед, Илюшин стал внимательно разглядывать деревья, растущие вблизи дота. Только три из них можно было считать подходящим укрытием для белофинского снайпера. Все остальные торчали из серого грязного снега, расщепленные и изуродованные артиллерийским огнем. Да и эти три, случайно уцелевшие сосны, были изрядно общипаны и помяты. Только выпавший за ночь и застрявший на сучьях снег прикрывал их наготу. Но белый халат снайпера хорошо сливался со снегом. Услышать же выстрелы врага было почти невозможно в грохоте непрекращающейся канонады.

«Но при выстреле должно быть пламя, — напряженно думал военфельдшер. — Попробую найти «кукушку» по пламени...»

Лежа за редкими, полузанесенными снегом кустиками, Илюшин не сводил глаз с подозрительных деревьев. Снайпер был осторожен и ничем не выдавал своего присутствия. Он, видимо, тщательно выбирал жертву и стрелял лишь в случае полной гарантии попадания. Но военфельдшер был терпелив. Чтобы добиться своего, он готов был ждать час, два, три, пять... Такой уж у него был характер.

Между тем рота подходила все ближе к доту. Левый фланг ее уже достигал проволочных заграждений. Отдельные бойцы начали резать проволоку.

С дерева эти смельчаки должно быть были хорошо видны.

«Снайпер, наверное, попытается вывести их из строя». Илюшин затаил дыхание...

Но как хитра эта «кукушка»! Ни одним движением не выдает она своего присутствия, и досадное чувство собственного бессилия начинает злить Илюшина. Он сдерживает себя: в эту напряженную минуту мысль должна быть спокойной, а зрение — ясным.

Но что это?.. В глазах ли рябит, или ветви среднего дерева действительно слегка шевелятся? Нет, глаз не обманывает Илюшина! Действительно, ветка шевелится, потревоженная стволом автомата. Снайпер, прицеливаясь, осторожно просовывает его...

Теперь дорога каждая секунда. Нужно опередить «кукушку» во что бы то ни стало! Прицурив левый глаз, военфельдшер твердо подвел мушку чуть ниже ствола автомата. Там должна быть грудь финского снайпера...

Илюшин даже не слышал звука собственного выстрела — все его внимание было сосредоточено на дереве. Он успел лишь заметить, как быстро скрылся за ветвями ствол автомата.

«Неужели промахнулся?» — тревожно подумал Илюшин. Он снова было приложился к винтовке, намереваясь стрелять наугад. Но ветви сосны дрогнули, и, роняя тяжелые хлопья снега, неуклюжее тело снайпера грузно рухнуло вниз.

ЗА „КУКУШКОЙ“

Отступая, белофинны сажали своих снайперов на деревья — в местах, по которым могли пройти наши войска. Наверное и сейчас «кукушки» сидели на соснах, высматривая нас из-за покрытых инеем ветвей.

— Ну, так как же? — спросил нашего капитана командир отделения Шатров.

— Значит, на охоту за «кукушкой»? — усмехнулся капитан. — Что ж я могу сказать вам, товарищ Шатров? Желаю успеха!

Шатров тотчас же ушел. Мы недолго видели сквозь кустарник его белый халат и неразлучную винтовку.

Он шел в стороне от дороги, шел медленно и осторожно. Морозный снег хрустел под его ногами, и этот звук был

хорошо слышен в тишине леса. Скоро Шатров заметил, что если не наступать на снег всей ступней и зарывать носок валенка глубоко под наст, — скрип пропадает.

Через каждые десять шагов Шатров останавливался, осматриваясь по сторонам. Вокруг стояли сосны, покрытые снегом. Снег был давнишний, слежавшийся. Он примерз к хвое и, казалось, составлял с ней одно целое.

Трудно было разглядеть, что делалось там, за ветвями, но Шатров чутьем угадывал, что не здесь, не на этих деревьях таится «кукушка». Слишком низкорослы были эти деревья, слишком неудобны для стрельбы и наблюдения. «Кукушки» не любят таких деревьев. Им нужны ветвистые, густые, высокие, как вон та, что стоит позади двух елок, в стороне от дороги. Да, это прекрасное дерево для «кукушки», лучшего не сыщешь!

Эта сосна чертовски подозрительна, но сквозь ветви ничего не видно. Впрочем, это не беда. Нужно подойти поближе и взглянуть под дерево, — «кукушка» должна оставить следы, ведь она не летает по воздуху.

Шатров пригибается к земле и ползет по снегу.

Ну, да, вот и следы, глубокие следы многих ног! А вот и люди! Два человека сидят в стороне от подозрительной сосны, с которой свисает веревка. Все ясно! Их трое. Третий сидит на дереве и по веревке они подают ему патроны.

Шатров ложится в снег и почти тонет в нем. Сквозь ветви ему видна теперь меховая шапка снайпера.

Шатров прицеливается. Раздается выстрел. «Кукушка», ломая сучья, с шумом падает на землю. Люди, сидевшие в стороне, испуганно вскакивают.

Снова выстрел. Один из белофиннов хватается за ногу. Э, да это офицер, чорт возьми! Нужно пустить в него еще одну пулю. Шатров щелкает затвором, но в это время винтовка падает у него из рук... Острая боль парализует руку и левый бок. Рука не повинуется ему больше, а враги уже бегут сюда...

Что сделаешь с одной рукой? Сейчас они пристрелят его... Как все это глупо получилось! Они будут стрелять в голову, эти гады... Надо встать и броситься на них, вцепиться в них здоровой рукой, зубами... Нельзя же так просто взять Петра Шатрова!

Но почему они бегут сюда так храбро? Они, верно, думают, что убили Шатрова, вот и расхрабрились. А что если в самом деле притвориться мертвым?..

Петр Шатров закрывает глаза и старается лежать неподвижно. Белофинны бьют его сапогами в бок. Бьют бесцеремонно, будто перед ними мешок с овсом. Но он не вскрикивает и не шевелится.

Офицер грубо хватается за раненую руку... Чорт возьми, какая это нестерпимая боль! Но Шатров лишь прикусывает губу, и тонкая струйка крови появляется в уголках его рта. Очевидно заметив эту кровь, офицер презрительно говорит что-то и брезгливо выпускает руку Шатрова. Рука безжизненно падает на снег.

Спутник офицера злобно плюет на Шатрова, и Петр лишь страшным усилием воли удерживается от того, чтобы не броситься на белофиннов... Он стискивает в кулак пальцы здоровой руки, но и они плохо повинуются ему.

«Только бы не отморозить руку совсем, — тревожно думает Шатров, — только бы не отморозить...»

Но белофинны недолго задерживаются возле человека, которого считают мертвым. Они спешат уйти из этих мест, опасаясь, что на звук выстрелов сюда придут советские разведчики.

Как только белофинны отходят, Шатров, преодолевая боль, медленно поворачивается на живот. Винтовка лежит с ним рядом — второпях белофинны забыли захватить ее. Шатров протягивает руку к своему верному боевому другу, но пальцы уже не подчиняются его воле.

Он кое-как расстегивает шинель и ворот рубахи, прячет за пазуху замерзшую руку...

А белофинны удаляются. Они спешат, и лишь хромающий офицер задерживает их движение. Вот они уже подошли к деревьям, а замерзшая рука все еще не отходит. Ее нестерпимо колет, но ждать некогда. Преодолевая боль, Шатров подносит винтовку к плечу. Звук выстрела нарушает тишину. Офицер неуклюже взмахивает руками, словно хватаясь за что-то, и тяжело падает на снег. Его спутник, не оглядываясь, трусливо бросается в сторону и бежит...

Шатров снова взялся за винтовку, но в раненном боку сильно кольнуло; зарябило и поплыло в глазах, голова сде-

лалась вдруг странно тяжелой. Она клонилась вниз, пока не коснулась холодного металла винтовки. Тогда, на мгновение, мысли прояснились, и Шатров понял, что силы покидают его, что он уже ничего больше не может сделать.

«Неужели замерзну здесь?» — смутно думает он.

Не может быть! Не может он, Петр Шатров, так глупо замерзнуть здесь! Не может!..

Он со стоном приподнимает, наконец, голову и, опираясь на винтовку, встает на одно колено... на другое... но, потеряв равновесие, падает на спину и долго лежит в снегу без движения, без мыслей... Он спокойно смотрит в небо, голубое и далекое. А в лесу совсем тихо. Падает где-то сучок, где-то чуть слышно звенит синица, снег осыпается с ветки легкой серебряной струйкой. Но вот слышится шум, далекий и непонятный. Что это?

«Это наши самолеты», — радостно думает Шатров. Он хочет вскочить, бежать, кричать, но чья-то сильная рука осторожно берет его за плечо. Он открывает глаза и видит знакомое лицо своего командира — лейтенанта. Шатров мгновенно приходит в себя и догадывается, что слышал шум приближавшегося лыжного отряда.

— Третий не мог уйти далеко, — указывая на трупы белофиннов, чуть слышно говорит Шатров.

Лейтенант понимает его. Он что-то приказывает младшему командиру взвода, а сам достает бинт и, опустившись на колени, расстегивает шинель Шатрова.

НА ВОЛОСКЕ ОТ СМЕРТИ

Это произошло на станции К.

Финны обстреляли станцию поздно вечером, спустя несколько часов после того, как мы восстановили ее и привели первый поезд. Но едва они выпустили три или четыре снаряда, как наша артиллерия открыла по врагу ураганный огонь, и мы почти не сомневались, что от финской пушки ничего уже не осталось.

Однако финны, видимо, успели перетащить свое орудие в

другое место, так как ночью по станции К. было выпущено еще три снаряда того же калибра.

Ущерб, причиненный огнем этой маневрирующей пушки, был незначителен, но на следующее утро чуть было не произошла серьезная неприятность.

На станцию только что пришел поезд с артиллерийскими припасами. Дежурный по станции, старшина эксплуатационной роты Лукьянов, принял поезд на запасный путь, намереваясь подать его в тупик под разгрузку. Но едва он начал производить маневры, как артиллерийский снаряд со свистом перелетел через вагоны, смахнув снег с крыш, и взорвался в тридцати метрах от состава.

— Опять палят! — сокрушенно сказал красноармеец Ивашкин, выполнявший на станции универсальные обязанности стрелочника, сцепщика и составителя.

— Быстро, Ивашкин, делай стрелку на выход! — крикнул Лукьянов, мгновенно поняв, какая опасность грозила поезду. В это мгновение новый снаряд задел крышу третьего от хвоста вагона и разорвался. Лукьянов вздрогнул и даже присел, ожидая взрыва боеприпасов, находившихся в вагоне. Прошло несколько секунд, пока Лукьянов пришел в себя. Вагон не взорвался, но крыша и верх передней боковой стенки загорелись.

Светало... Поблизости никого не было. Приходилось рассчитывать только на собственные силы. Не раздумывая, Лукьянов бросился к упряжным приборам горящего вагона, на ходу крикнув машинисту:

— Осади чуть-чуть!

Он отцепил горящий вагон и, отбежав на соседний путь, подал знак машинисту. Поезд тотчас же двинулся на главный путь, оставив на станции три отцепленных вагонов.

— Ко мне, Ивашкин! — крикнул Лукьянов, сбрасывая запор с горящего вагона.

Вдвоем они быстро откатали тяжелую дверь. Клубы густого удушливого дыма поднимались с крыши вагона, но пламя еще не проникло внутрь.

Скинув полушубок, Лукьянов смело бросился в вагон.

— Взорваться можно, товарищ старшина! — испуганно крикнул Ивашкин.

— Испугался!.. — презрительно отозвался Лукьянов и

схватил ближайший ящик, сквозь щели которого виден был снаряд и длинный серый мешочек с пороховым зарядом. Ящики были не очень тяжелы, и старшина, возбужденный грозящей опасностью, легко и быстро бросал их в мягкий снежный сугроб.

Недолго раздумывал и Ивашкин. Он тоже сбросил ватную телогрейку и, оставшись в одной гимнастерке, вскочил в вагон и принялся помогать старшине.

Работать становилось все труднее. Ящики со снарядами приходилось бросать все дальше и дальше, так, чтобы они не ударялись друг о друга. Лукьянов и Ивашкин вспотели, хотя на дворе стоял жестокий мороз, леденивший дыхание.

Вскоре крыша прогорела насквозь. В вагон посыпались горящие щепки. Жизнь двух храбрецов висела теперь на волоске. Стоило самой маленькой искре попасть на мешочек с порохом, как он взорвался бы, вызвав детонацию, от которой мгновенно взлетел бы на воздух весь вагон.

Выбрасывал ящики теперь один Лукьянов. А Ивашкин, на лету хватая падающие с потолка горящие щепки, гасил их. Рукавицы его прогорели и на обожженных руках вскакивали розовые пузыри, но он почти не чувствовал боли. У Лукьянова от чрезмерного напряжения начала кружиться голова, руки налились кровью, отяжелели и были непослушны, как чужие. Едкий дым резал глаза, вызывая слезы, и от этого очертания предметов казались мутными, расплывчатыми, дрожащими...

Когда к горящему вагону подбежали красноармейцы эксплуатационной роты, он был уже пуст. Лукьянов и Ивашкин, задыхающиеся, измученные, без сил свалились на руки товарищей.

ПОДВИГ

Чорт бы их взял, эти противотанковые надолбы у северо-восточного дота! Наши танки были здесь совершенно бес-
сильны.

Взорвать надолбы? Это был единственный выход, и мы его уже испробовали. Славные наши товарищи Петров и Березкин сложили свои головы у этих надолб.

Представьте себе совершенно ровную площадку, покрытую снегом, который даже ночью кажется ослепительно белым. Ни одна тень не падает на этот участок, и он лежит перед надолбами, как огромный экран, на котором даже комар, появившись он здесь каким-нибудь чудом, выделялся бы резким, четко вырисованным пятном. Пулеметы белофиннов, уже давным-давно пристрелянные к местности, выводили из строя каждого нашего смельчака.

Одним словом, задача была сложная. Кажалось, что после смерти Петрова и Березкина никто больше не рискнет обратиться к этим проклятым надолбам. И однако такой человек нашелся. Кто бы, вы думаете, это был? Малиновкин! Младший лейтенант Малиновкин. Самый тихий, самый незаметный командир в батальоне.

Едва мы успели похоронить наших товарищей, как этот самый Малиновкин подошел к капитану и спокойно заявил:

— Я хочу попытать счастье, товарищ капитан.

Он даже не сказал, в чем хочет попытать свое счастье, но все поняли, что речь идет о надолбах, и все улыбнулись. Даже капитан, уже немолодой и очень строгий человек, не мог сдержать улыбки. А Малиновкин, не обращая на все это ни малейшего внимания, повторил:

— Я хотел бы отправиться сегодня вечером, товарищ капитан.

И вот вечером, когда еще не совсем стемнело, Малиновкин с механиком Чуенко, на самом маленьком танке, какой только можно было найти в нашем батальоне, двинулись к надолбам. Белофинны даже не стреляли — до того нелепой показалась им эта попытка. Они, очевидно, посмеивались там, у себя в доте, над «безрассудной затеей».

А маленький танк между тем подошел вплотную к надолбам. Постоял возле первого ряда, словно обнюхивая камни, и, проехав немного вдоль неприступных гранитных глыб, повернул назад. И лишь тогда в него полетели короткие, будто насмешливые, пулеметные очереди. Но Малиновкина уже не было в танке. Он незаметно выскользнул из нижнего люка и теперь уже, наверное, вязал заряды.

Наверное мороз крепко щипал его лицо, закутанное в белый капюшон, и тонкие, острые иголки нестерпимо кололи его заочневшие руки, а он вспоминал свой дом, свою жену

или невесту (мы даже не знали, кто у него остался дома)... Кто знает, какие мысли мелькают в голове у людей в эти короткие, напряженные минуты?

...Взрыв был страшен. В вечерней тишине он грохнул так неожиданно, что даже мы, с нетерпением ожидавшие его, вздрогнули. А когда дым рассеялся, надолбы показались нам огромной старой выщербленной гребенкой, жалкой и ни для чего уже непригодной.

Малиновкин был без сознания, когда к нему подошли наши санитары. Он лежал на носилках неподвижный и бледный, как мертвец. И мы, приняв его за мертвого, обнажили на сорокаградусном морозе головы. Невольно набежавшие слезы замерзли у нас на ресницах. Нам стало стыдно и больно, что так плохо знали мы этого замечательного, храброго товарища...

Но он не умер. Он открыл глаза и, узнав нас, слабо улыбнулся.

Многие тогда сочли бы за счастье пожать ему руку, но наш суровый капитан никого не подпустил к нему близко, а сам сказал Малиновкину так ласково, как можно сказать только любимому сыну:

— Хорошее у тебя счастье, Ваня.

ПРЕРВАНЫЙ ОБЕД

По сути дела, произошла смешная история, хотя она могла окончиться не так уже гладко.

Случилось это уже недалеко от Выборга. Финны бросили на нас в атаку пять танков. Три танка вскоре же были выведены из строя тяжелой артиллерией, а двум удалось продвигаться в глубь нашего расположения.

Когда один из этих танков шел по небольшому, занесенному снегом озеру, на пологом берегу только что расположился обедать взвод хозяйственной роты стрелкового полка, укрытый кустарником и редкими молодыми соснами. Обмениваясь шутками, бойцы с наслаждением принялись за горячий гороховый суп, спокойно поглядывая на приближавшийся к ним танк, в полной уверенности, что это свой.

Обед был в самом разгаре, когда вдруг прибежал запыхавшийся, вспотевший повар и тревожно крикнул:

— Та це ж финн, хлопцы! Бачите, яка на нем полоска — синяя!..

Танк теперь был близко, и на его корпусе действительно без труда можно было разглядеть широкую синюю полосу. Отделенный командир Семен Горобец напряженно вытянулся, посмотрел в сторону танка и быстро скомандовал:

— Ложись!..

Бойцы, бросив котелки с супом, залегли в рыхлый снег.

Командир добавил:

— Гранаты к бою!

Пока танк взбирался на скользкий берег, Семен Горобец связал вместе три свои гранаты. Выждав момент, когда нос танка задрался высоко вверх, он сильно метнул гранаты под гусеницы вражеской машины. Одновременно с ним бросили гранаты еще пять бойцов.

Взрывом широко разметало снег. Мерзлые комья земли с шумом взлетели в воздух и упали, забарабанив по звонкому снежному насту.

Осколки повредили одну из гусениц танка. Машина беспомощно завертелась на месте, проползла чуть-чуть по снегу, как большое раненое животное, и остановилась. А башня с орудийным стволом медленно стала поворачиваться в сторону залегшего неподалеку взвода. Однако, к счастью, ствол орудия задел стоявшую рядом с танком толстую сосну, уперся в нее, и башня уже не могла двинуться дальше.

Эта неожиданная помощь ободрила бойцов. Они вскочили с земли и бросились к танку.

Финны открыли пулеметный огонь, но многие бойцы во главе с командиром отделения были уже на танке. Семен Горобец, размахнувшись, изо всех сил ударил прикладом своей винтовки по стволу финского пулемета. Ствол согнулся, и пороховые газы разорвали пулемет на части.

— Эх, добрая рушница была, — вздохнул Семен, глядя на раздробленный приклад винтовки, — однако и пулемет ихний, кажись того...

В танке стало тихо, только из смотровых щелей кто-то нервно стрелял из револьвера.

Тогда Семен Горобец постучал своей изуродованной винтовкой в стенку танка и солидно сказал:

— Алло, господа! Покорнейше просим вас на свежий воздух. — И сделав внушительную паузу, добавил:

— Бо хуже будет!

Ответа не было.

Кто-то из бойцов уже всунул дуло винтовки в щель танка.

— погоди! — строго крикнул Семен. — Убить не хитрое дело — живьем траба взять.

Он торопливо расстегнул свой прожженный во многих местах полушубок и достал из кармана гимнастерки маленькую книжицу: «Русско-финский словарь— памятка и вопросник». В ней было не более сотни слов, но это не смущало Семена. Он что-то прочел и громко крикнул:

— Луовуттакаа асее!

В танке попрежнему молчали.

— Это что же такое будет «луовуттакаа асее», товарищ командир? — спросил кто-то из бойцов.

— Оружие требую сдать, — объяснил Семен.

— Та мабудь у них нема, чего сдавать, — заметил повар, тоже взобравшийся на танк, — пулемет-то того! Вот если пушку только...

Семен снова заглянул в вопросник и сказал, усмехаясь:

— Испробуем последние дипломатические средства.

Повернувшись к бойцам, он вдруг скомандовал:

— Газы!

И еще громче повторил по-фински:

— Каасу! Каасу!..

Бойцы, выполняя команду, тотчас же надели резиновые маски и дружно захрапели выдыхательными клапанами противогазов. Это мощное храпение сразу подействовало на финнов. Люк танка слегка приоткрылся, но тут повар ловко сунул в узкую щель люка приклад своей винтовки и сильным рывком открыл его.

В отверстии люка показался офицер с поднятыми вверх руками.

— Добро пожаловать! — сказал Семен Горобец, наводя наган на офицера. — Тэрве! — добавил он по-фински.

В ПОСЛЕДНЮЮ СЕКУНДУ

Мы сидели у радиоприемника. Было без пяти двенадцать. В Выборге шел жестокий бой, и вот, через пять минут, все должно было кончиться.

Артиллерия гремела не переставая, и через наши головы с шумом летели снаряды. В эти последние минуты стреляла не только полковая, но и корпусная артиллерия, и казалось невероятным, что эта грозная канонада когда-нибудь прекратится.

Диктор уже объявил о поверке времени. В эти мгновенья мы не разговаривали, и, кажется, никто из нас не верил, что мир наступит ровно в двенадцать. Мы не сомневались, что он наступит — такова была воля нашего правительства, и она была священна для нас, но уж очень горячий шел бой, уже очень велика была сила инерции этого боя. Нельзя, казалось нам, заставить умолкнуть все сразу — ведь это не симфонический оркестр, это огромная, грозная армия, разговаривающая языком современных могущественных орудий!

А в репродукторе уже тикали часы. Спокойно отмеривали они секунды, и мы с волнением прислушивались к этому слабому звуку. Наконец, наступила короткая пауза, во время которой еще оглушительнее грохотали пушки, затем последовали два протяжных гудка и третий короткий, словно захлебнувшийся от волнения.

И все стихло!.. Все — винтовки, пулеметы и орудия.

Мы молчали, потрясенные этой идеальной точностью, и все еще не верили наступившей тишине. Казалось, что вот-вот, не сдержавшись, грохнет еще выстрел. Мы словно наблюдали за гимнастом, работавшим под куполом цирка, и боялись, как бы не сорвался он с трапеции, выполняя рискованный номер. Но тишина была нерушима и добротна. Мы выскочили из палатки и почти побежали к штабу батальона. Три здоровенных веселых парня встретились нам по дороге. Один из них держал винтовку в руках, бережно закрывая затвор.

— Как дела, товарищ Радько? — окликнул я красноармейца.

— Добрые дела, товарищ лейтенант! — весело ответил

Радько, вешая винтовку на плечо. — «Кукушку» успели-таки порешить.

— Какую «кукушку»?

— Обыкновенную, белофинскую. А дело так разворачивалось. Сидим это мы с хлопцами, завтракаем. А возле нас — цык, цык... одиночные пули. «Кидай, хлопцы, завтрак, — говорю я, — всыпать надобно той «кукушке». Бросили, значит, завтрак, крадемся за деревьями, а времени в обрез. Через пять минут — полный мир! А «кукушка» эта нас давно уже беспокоила и двух товарищей наших подстрелила, так что упустить ее не было никакой возможности. Крадемся мы, значит, вдруг бачим на дереве бочку, а в бочке белофинн. Я разом винтовку к плечу, а Андреев и кажет:

— Двенадцать часов времени, Тарас.

— Как двенадцать? — Смотрю на свои, а стрелка на них чуть-чуть не достает до двенадцати, секунды, может быть, на три. Тут уж я с чистой совестью приложился и... трах! «Кукушка», значит, кувырк из бочки и наземь...

Тут Радько сделал выразительный жест рукой, показывая, как кувыркнулась «кукушка». Поддернув ремень винтовки, он усмехнулся и добавил:

— Во-время уложился!

СОДЕРЖАНИЕ

Первое знакомство	3
Финский кот	6
В кольце	8
Тактика	11
В разведке	13
Долг	15
Догадка военфельдшера	17
За «кукушкой»	19
На волоске от смерти	22
Подвиг	24
Прерванный обед	26
В последнюю секунду	29

Редактор *И. Толченова*

Тираж 75 000 экз. Подписано в печать 16 июля 1941 г. 2 п. л. 35 200 экз.
в 1 п. л. А39879. Цена 20 коп.

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва,
Валовая, 28. Заказ № 2357.